

НА ОБЕТОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ

(Из путешествий по Алтаю)

Там, где кончаются бесконечные леса и поднимаются высоко-высоко скалистые горы, где бурно бушуют горные реки и потоки, с белой пеной прыгая по камням, где простерлась неведомая никому пустыня, где-то там, за китайской границей, в непроходимых дебрях лежит загадочная земля, называемая Беловодье. Не знает этого места никто, не заезжает сюда заседатель, а между тем зашли как-то сюда русские люди и живут привольно. Много земли у них и угодьев, и нет здесь тягостей и тяжкого крестьянского горя. Есть здесь храмы, и звон колоколов будит звуками пустыню. Никто не знает Беловодья, знает его только раскольник и русский крестьянин, прокравшийся в него. Это миф о Беловодье, распространенный в южной Сибири, двинул русскую колонизацию к китайским границам.

Мы видим деревни и скромных крестьян у подножия снежных Альп, где крестьянство часто надевает на себя ткани китайского шелка, вымениваемые на границе. Кругом дикая природа, киргизы, китайцы, и тут же русская деревня, русский говор, русская песня, русский хоровод. Но не ограничились этой гранью русские селения. Нет-нет да и начнется попытка отыскать заветное Беловодье. Попадали русские крестьяне в бухтарминские и китайские города и были оттуда возвращаемы, бывали на озере Кукуноре, все отыскивая свое Беловодье. А есть ли такое Беловодье — бог весть. Тихо тянутся до последнего времени обозы переселенцев или новоселов, таинственно, скромно пробираются они мимо больших дорог в глубь Алтая, где встречает их и приковывает этот миф о каких-то заповедных землях, о какой-то мифической стране, и они плетутся все вдаль да вдаль...

А кажись, везде мест довольно, и какие места!

Когда мы въехали в северные предгорья Алтая, в долины рек Песчаной, Каменки и Ануя, мы поражены были красотой мест, обилием лугов и роскошью растительности. Перед началом предгорья раскинулись, точно малороссийские, степи, покрытые душистыми травами, цветами, с выступившими по местам перелесками. Когда мы любовались этой степью перед закатом солнца, мы видели вдали горы, подергивающиеся как бы легким туманом, голубо дымкою самой нежной вуали, а над нами алала легкая розоватость неба. Бесконечно зеленая равнина, клумбы березовых рощ с душистыми пасеками, бесчисленные стада, как точки, усеяли степь. Скрывавшееся солнце с золотым бордюром заполнило эту картину. Трудно передать то обаяние, какое производит эта даль, этот воздух. Когда спустилась ночь, горы как бы ушли вдаль. Долина наполнилась ароматом трав, а наверху зажглись серебристые звезды, яркие и большие, благодаря чистоте и прозрачности горного воздуха. Когда в горах нас застала ночь, грозные профили гор с лиственницами смотрели на нас угрюмо и таинственно.

Лиственницы выступали гигантами, цеплявшимися за нас руками. Иногда на небе сгущались тучи и только кое-где мелькали просветы, небо составляло контраст с темной долиной, в которую мы спускались. Вот тучи охватили небо, стало еще темнее, мы совершенно погрузились в темную бездну. Совсем беспросветная тьма окружала нас. Лошади плелись уныло, звякая колокольчиками. Один ямщик направлялся куда-то... Вдруг среди этой томящей тьмы зажглась искра. Вот она растет, вот и веселый костер около деревни. Это деревня Туманово, поставленная лет десять назад переселенцами-пермяками. Через четверть часа мы были в теплой избе этих обстраивающихся колонистов.

Убаюканные поэзией ночи, мы просыпались утром под ослепительным блеском солнца.

Чем дальше мы ехали и совершали перевалы из гор в долины, картина открывалась шире. Местами среди зелени обнаруживались каменные утесы, перевитые зеленью, иногда эти утесы представляли разрушенные замки и церкви. Около них били ключи и весело журчали речушки, пробиваясь между камнями. С гор спускались лиственницы, травы были в высоту человека. Горы выступали резче, и, наконец, показались «белки», горы с пятнами снега на вершине. Странно, во всех этих местах, проезжая по глухим долинам Алтая, повсюду мы встречали странников, плетущихся все вперед и вперед. Мы проехали весь Алтай, вот скоро уже снежные горы, вот поднялся неприступный хребет.

— Куда вы? — спрашивали мы странников и получали один ответ:

— Местов искать.

Иногда встречали пионеров-пытовщиков. Они шли по постоянным подъемам и спускам, где дорога столь утомительна, что на середине дороги приходилось менять лошадей. Часто измученные, в поту, в одних белых рубашках, с котомками, спускались они с гор с посохами в руках. Это были скорее какие-то подвижники, чем искатели счастья. Но на них смотрели сплошь и рядом совсем иначе.

— Тащутся куда-то, сами не зная куда, — говорили старожилы, недовольные тем, что новоселы не торговались с ними, а шли далее.

— Черт их знает, куда лезут, — говорило начальство.

— За Чергой, сказывали, места хорошие, — говорили странники и все забирались дальше и дальше. Иногда на вопрос они торопились вытащить паспорта, робко озираясь и говоря:

— Мы по паспортам, ваше высокоблагородие! — намекая этим, что они не бродяги.

Чем дальше странники-колонисты достигали этих мест, чем больше осваивались с привольем, тем более, кажись, они становились разборчивыми: «А дальше еще лучше, а за Чергой, сказывают, хорошо». Остановиться сразу не хотелось, ибо выбор мест был большой.

Чем более они осваивались с этими местами, чем более всмат-

ривались в это приволье, тем менее им хотелось расставаться с ним. Иногда мы видели, как, пораженные этим привольем, этой тучной почвой, они подолгу стояли, опершись на посохи, устремив жадные взоры на этот девственный чернозем. Они облюбовали эти места и в то же время робко осматривались. Их охватила тайная робость и страх, что вот их погонят отсюда и не дадут высмотреть то, чего они жаждут. Эта робость и боязнь, как мы заметили, не оставляла даже поселившихся и обстраивающихся.

Раз в своем исследовательском усердии, равном разве усердию цивилизованной ищейки, я натолкнулся на общество, заставившее меня серьезно задуматься. Оканчивая объезд (приходилось уже расставаться с горами), при выезде из одной деревни я заметил, однако, за несколько верст от нее небольшую горную речку в долине, где стояли одинокие лачужки шагов пятьдесят друг от друга. Это была знакомая характерная постройка переселенца. Мне ужасно захотелось съездить к этому начинающему строиться поселку. Приказав ямщику с повозкой ехать по дороге, я имел глупость взять у него пристяжную с крестьянским седлом и поехал верхом к переселенцам-новоселам один.

Поселок стоял в стороне от дороги, окаймленной горами. Когда я на крестьянской лошаденке приехал в него, тут только понял всю странность и неожиданность моего появления в деревеньке. Из изб повысыпали робкие пугливые переселенцы. Они смотрели на меня очень боязливо, как дикари. Я слез с лошади, попросил напиться и начал любопытствовать. Ответы были односложные, сухие, взгляды все подозрительнее. Вскоре все начали расходиться, и я остался только с одним переселенцем. В самом деле, что такое был в их глазах человек, прибывший к ним внезапно с видом чиновника, на худой крестьянской лошади и пытающий их? Я объяснил свой приезд тем, что я любопытствую узнать, как живут новоселы. Но это их еще больше насторожило: «Разве любопытствует кто без дела?» Ведь крестьянин не подозревает, что есть такие несчастные люди на русской земле, которые в самом деле только любопытствуют крестьянское житье, не имея возможности принести ни капли ему облегчения.

Видя пугливость этих несчастных странников, выбравших себе эти места, я не принял во внимание, что большинство их начинает обстраиваться, когда они еще не приписаны, заселение их еще не утверждено, юридическое положение непрочное, и что переживают они в эту минуту самое мучительное состояние духа. На лицах можно было прочесть чуть не страдальческое выражение при ответах. Видя холодность приема, я начал прощаться и подошел к лошади, проклиная неудачу поездки. Вдруг позади я услышал глухой грудной голос:

— Ваше благородие, зачем ты сюда приехал?

— Просто посмотреть, как вы живете и давно ли здесь. Не говорите, так бог с вами,— сказал я сухо.

— Ваше благородие, ты недаром приехал,— послышался тот же голос. Это говорил оставшийся со мной новосел. Черные гла-

за упорно, вызывающе смотрели на меня, а на лице было какое-то болезненное, судорожное выражение, в котором сосредоточивалось мучительное пересиленное беспокойство.

— Ничего мне от вас не надо, добрый человек,— сказал я мягче.— Успокойтесь!

Но, конечно, я не мог рассеять подозрений и тронул лошадь.

— Ты землемер! — как бы почувствовав смелость, выкрикнул новосел и побледнел от собственной дерзости, вызванной чувством опасности, как и произнесением страшного для крестьянина имени.— Ты землемер, мы знаем,— повторил он грустно, и вдруг в глазах его заблестела такая мольба, какой я в жизнь не забуду: — Не губи! Не гони нас с местов!..— Он не упал в ноги, но стоял бледный, как подкошенный, как осужденный.

Я сошел с лошади и начал успокаивать бедных новоселов. Уверившись, что я ничего не имею против них, они рассказали мне свою горькую исповедь.

Как и все, они выбрали место на этой речке и поселились самовольно, не приписавшись к обществу, ибо с них потребовали по тридцать рублей за приемный приговор. Они развязали мошны, послали ходоков хлопотать об отводе земель: выйдет ли что — бог ведает, а пока томилась в ожидании. Соседние крестьяне им беспрестанно угрожают и обещают донести на них. Вот с чем совпал мой приезд. Я старался дать совет, обещал никому не говорить об их поселке, ободрил их, как мог, и расстался дружелюбно.

Я был глубоко потрясен их судьбою.

Вспомнил еще одну встречу. Мы ехали в веселое и чудное утро по алтайской долине. Горные речки сверкали серебром, направо и налево выступают горы с клубящимися по ним облаками. Местами вырастали причудливые утесы, обвитые зеленью. С одной стороны спускались с гор хвойные леса, гребни гор золотились лучами солнца, лучи сверкали цветами, трава была роскошная. Вот выбежал ручей. По берегам его были видны сплошные кустарники жимолости, малины и смородины, усеянные гроздьями ягод; белый жасмин, колокольчики, лилии и желтые розы — все это напоминало бухтарминскую флору сибирской Италии. Цветы становились роскошнее. Я увидел целые поля, покрытые мальвами. Это был настоящий лес цветов. Они были лиловые и белые, в рост мой. Я выскочил из повозки, набрал целый пук цветов, образовав чудовищный букет, уселся с ним и смотрел в синеющую даль гор. Солнце сияло так ослепительно, все было такое праздничное! Никогда, моя родина, я не видал тебя более красивою! Я увидел тебя здесь весенней красавицей, украшенной мальвами, дикими розами, пионами, лилиями, я видел тебя с красотой твоих утопающих вдали гор, с богатством цветущих долин. Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья?! И вот в такой-то долине, в минуту моих восторгов, я был остановлен, пригвожден неожиданной встречей.

Как бы в контраст этой красивой, полной жизни природе, я увидел жалкую повозчонку, затянутую рваной парусиной. В ней сидела худая женщина, а жалкую исхудалую лошадь вел в поводу пожилой крестьянин с повязанной платком головой. Надо было видеть, что это была за лошадь и что это были за люди. И лошадь, и хозяева, кажется, одинаково были изнурены. У лошади спина представляла сплошную язву, как будто ее расклевали вороны. Тучи оводов и мух садились и бередили спину несчастного животного. Я взглянул на упряжь: она вся состояла из худых связанных веревок и мочал.

— Старина, что это ты на такой лошади едешь? Она падет у тебя, — сказал я.

— Батюшко, — отвечал он тихим голосом, каким говорят только нищие, — одна и есть лошаденка, да вот и та заболела в дороге. Бабу везу больную, ходить не может, ноги распухли...

— А у тебя что голова повязана?

— От жары, батюшко, разломило.

— Что же вы не остановитесь нигде?

— Где, батюшко, остановиться-то... Надсадились. Из Расей шли. Пришли, кормиться нечем, все больные, так вот и побираемся мало-мало по деревням. Авось до страды промаемся, а там наймемся работать...

Это были новоселы, истощившие свои силы, надсадившиеся.

Дойти до обетованной земли и среди этих привольных благословенных мест остаться нищим! Какая насмешка судьбы!

Но случается еще печальней конец. Бредет-бредет новосел за новыми местами или ходит-ходит, мается, ищет случая приписаться, борется со старожилками, которые с него запрашивают, ходатайствует перед горными властями, землемерами, словом, ведет эту процедуру года, хлопочет да вдруг и сгинет в этих поисках, так и пропадет, выпадет из списков — ни там, ни здесь. Может быть, он открыл, нашел таинственную землю, где можно поселиться без приписки, без паспорта, без землемера, может быть, он дошел в это мифическое Беловодье, где нет податей, а староверу и раскольнику веры не заказано. Недаром об этом Беловодье более ста лет слагаются мифы. Но где же оно? Вот за Чергою идет ряд хребтов, вот ущелье Чуи, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдет переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Не это ли желанные белые воды? Постоит он и повернет назад. А там в горной долине, глядишь, шел капризный скиталец да вдруг заночевал. Давно полдень, солнце залило долину, печет, а он все спит. Вечер наступил, прохладой повеяло, аромат трав несется, золотятся пурпуром вершины чудных гор незнакомого края, а он все спит, не просыпается. Что ему грезится среди этих волшебных мест? Не родную ли деревню он видит и зовет из нее родню на новые места, ставит дом — земля-то какая, место-то какое, вот где отдохнуть, вот где заживешься в доволь-

стве! Проехали мимо него промышленники, отправляясь на промысел, и, усмехнувшись, сказали: «Спит новосел!» Проскакала повозка чья-то. «Это что за человек?» — крикнул проезжий. — «Новосел спит», — сказал ямщик. А новосел так крепко и сладко уснул, что ему не нужно и просыпаться.

Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитание и отыскивание чего-то, словом, озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?» С этим вопросом я стоял у берегов обширных и прекрасных озер на привольной степной Барабе, смотря в туманную даль плавающих в зелени островов; с этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука; его же задавал я и там, где серебрятся вершины Алтая, любуясь с высот бесконечно волнующими горами и широкими долинами; его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!»

Сибирский сборник, кн. 2. СПб., 1886.

МАЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Сибирская весна вступает в свои права медленно и осторожно. Холодные дни перемежаются оттепелями, и жаркие полдни сменяются холодными ночами. На полях и в лощинах, а в особенности в густом лесу лежит еще снег, только чуть-чуть подернулась легкой зеленью прогалинка. Кое-где виднеется первый выползший цветок, наш родной одуванчик-ветрянка; этот символ весны дорог для меня, несмотря на свой скромный наряд. Я знаю, что его сменит более красивый цветок, даурский рододендрон. Несомненно, весна возьмет свое. Так или иначе в природе вздохнут просыпающиеся силы, и в сердце забьется, замрет что-то сладкое, утешающее, ласкающее, дающее надежду. И если в душе также находятся просыпающиеся силы, если весна жизни стоит в гармонии с природой, то как в это время сладко и верится и любит. Весна севера для меня осталась и после долгих лет жизни, окруженная тою же поэтической суровой прелестью. Она под холодным покровом веет мне теплым лучом. Мне приходит в голову сравнивать ее с роскошной весной юга, с нежащим воздухом, с благоухающей ее обстановкой, с волшебными садами и чарующими красками. Зачем мне эти сравнения? Моя весна дорога мне была сама по себе.

Маленькая былинка тоже может вас радовать в это время, как и пышная роза, дело в настроении духа, в впечатлительности души. Я предугадываю, как теперь юность встречает весну, с какой живостью искрятся глаза ее, как она стремится в зеленое поле,